

Къ вопросу о современныхъ направленіяхъ въ изученіи древней исторіи ¹⁾).

Нигдѣ, быть можетъ, такъ ярко не сказались, такъ рельефно не опредѣлились современные направленія исторической науки, какъ въ области изученія и разработки древней исторіи. И дѣйствительно исторія древности своей законченностью, своей извѣстной цѣлостностью представляетъ особыя удобства и для историка-аналитика и для историка-синтетика. Если исторія новыхъ народовъ Европы (исторія средневѣковая, новая и новѣйшая) продолжается до сихъ поръ, связана съ нами кровными узами, то исторія античности представляетъ циклъ законченный. Какъ бы высоко ни признавалась культурная преемственность, все-же это—не живая органическая связь чередующихся поколѣній. Античность вся въ прошломъ, и на ея изученіи легче всего можетъ осуществиться идеаль научнo-объективнаго изслѣдованія. Древняя исторія привлекала и привлекаетъ цѣлые кадры ученыхъ работниковъ, представителей различныхъ теорій и различныхъ направленій исторической мысли. Достаточно пересмотрѣть, хотя-бы, изобилующую любопытными данными книжку Неймана ²⁾, чтобы наглядно увидѣть, какіе пути прошла наука древней исторіи и какихъ результатовъ достигла. Путь былъ совершенъ отъ диллетантскихъ, элементарно-прагматическихъ и морализирующихъ разсужденій черезъ горнило критики къ строго-научнымъ построеніямъ. Врядъ-ли здѣсь надо много говорить о великой роли Нибура и его школы, положившихъ начало научному движенію въ области древней исторіи и своей критикой уничтожившихъ старое. Признаніе несовершенства старыхъ построеній, базировавшихъ на непрочномъ и шаткомъ фундаментѣ, влекло за собой неизбежное

¹⁾ Докладъ, читанный на XV археологическомъ съѣздѣ въ Новгородѣ.

²⁾ Neumann—Entwicklung und Aufgaben der alten Geschichte. Strassburg 1910.

измѣненіе методологическихъ приѣмовъ и способовъ работы. Прочно и опредѣленно устанавливаются основы аналитическаго изслѣдованія, пристальной и детальной работы надъ источникомъ. Здѣсь одинаково соревнуютъ историки и филологи, образцово поставившіе дѣло изслѣдованія первоисточниковъ (Quellenforschung). Кромѣ источниковъ литературныхъ подверглись разбору и интерпретаціи данныя документальныя; для эпохъ древнѣйшихъ и отдаленныхъ громадное значеніе представили памятники вещественные, добываемые изъ нѣдръ земныхъ и археологически изучаемые. Но на ряду съ работой критической и аналитической должна была быть и работа синтетическая, обобщающая. На возводимомъ новомъ фундаментѣ должно было строиться новое научное зданіе. Здѣсь, конечно, опредѣлились различные планы, способы и приѣмы построения—отъ осторожныхъ и лишь частичныхъ конструкцій до концепцій обобщающаго характера. На эту работу сильное вліяніе оказали господствующія въ исторической наукѣ направленія; всѣ болѣе или менѣе крупныя философско-историческія и соціологическія построенія такъ или иначе отразились въ области изученія древней исторіи. Съ этими направленіями научной мысли, отражающими настроенія и интересы даннаго времени, безусловно приходится считаться; но въ то-же время нельзя не отмѣчать тѣхъ крайностей въ ученыхъ направленіяхъ, которыя вредятъ самой работѣ, грозятъ самой научности. И вотъ въ изученіи древней исторіи за послѣдніе годы приходится отмѣчать такого рода крайнія направленія, лишь въ самое недавнее время начавшія вызывать опредѣленный отпоръ и здоровую реакцію.

Эти крайнія направленія въ области изученія древней исторіи можно формулировать, какъ *гиперкритицизмъ, увлеченіе абстрактно-соціологическими схемами и модернизация античности*.

Если пристальная и детальная критика источниковъ является обязательнымъ условіемъ всякой научной работы, то крайности критицизма, доходящія до скепсиса и своего рода нигилизма, могутъ приводить къ результатамъ совершенно обратнымъ. Здѣсь всегда слѣдуетъ помнить ученый завѣтъ Нибура: «Но отдѣленіе баснословнаго элемента, разрушеніе обмана—можетъ удовлетворять критика, историкъ стремится къ положительному». Деятнадцатый вѣкъ далъ блестящіе образцы исторической критики, безпощадно уничтожившей

многое недостоверное старое и открывшей новые перспективы. Достаточно только вспомнить о заслугах библейской и новозаветной критики и критики римской традиции. Древняя история, благодаря этой критической работе, стала на реальную почву. Но исторической критики не удалось избежать крайностей; гиперкритика и скептицизм сказались на изучении и греческой и римской истории. Приведем, как наиболее яркие примеры гиперкритики в области греческой истории, отрицание Белохом дорянского вторжения в Пелопоннес, полное отрицание Ликургова законодательства в Спарте (несмотря на ретру), отрицание Солоновой конституции в Афинах (Низе), нервно произвольную критику традиции греко-персидских войн (цифровые сокращения борющихся армий Дельбрюка и т. п.), скептицизм по отношению к Афинской политике Аристотеля, нападки на Фукидита (Миллер-Штрюбинг) и т. д. В области римской истории отрицательной критик подверглись царский период, децемвират, Лициниевое законодательство (Низе, Машке), излишне ретроспектирована была в прошлое социальная борьба I века до Р. Х. (Пельман и др.) и мн. др.; крайних предельов скептицизм и гиперкритика в римской историографии достигли в трудах Этторе Паиса, отрицавшего достоверность событий римской истории до IV века до Р. Х., и французского юриста Ламбера. Этот крайний критицизм, этот скепсис ученых, аргументировавших в специальных штудиях свои доводы и сомнения, не замедлил перейти и в общия построения, популярные концепции, где особенно ярко сказались односторонность и часто даже известная тенденциозность такого рода направления.

Если гиперкритика часто произвольно умерщвляет источник и тем наносит ущерб работе аналитической, то излишнее увлечение социологическими схемами немало мешает работе конструктивного характера. В связи с крушением больших философско-исторических систем стало модным отрицание всемирно-исторической точки зрения и на смену ей появилось представление о социологических типах, конструируемых, главным образом, на основании сравнительно-исторических данных. Безусловно типологическое изучение исторических явлений представляет крупное значение; привлечение сравнительно-исторического материала во многом

открываетъ новые горизонты и помогаетъ объяснить ранѣ непонятное. Такъ феодализмъ можетъ разсматриваться теперь не какъ какая-либо отличительная особенность западно-европейскаго средневѣковья, но и какъ соціологическое явленіе, съ которымъ приходится считаться и въ Египтѣ средняго царства и въ Гомеровской Греціи и въ Индіи моголовъ и въ удѣльной Руси и въ до-реформенной Японіи и въ современной Абиссиніи. Точно также можно соціологически намѣтить стадіи хозяйственнаго развитія на основаніи сравнительнаго матеріала древняго и новаго міра ¹⁾. Но соціологическое и сравнительно-историческое изученіе требуетъ серьезныхъ оговорокъ. Надо изучать не только черты сходства, но и черты отличія, особенности національныя и мѣстныя, заимствованія и варьяціи, нельзя терять изъ вида хронологическихъ перспективъ. Соціологическій типъ есть все-же книжная схема, ученая абстракція: не надо забывать, однако, что подъ нимъ скрываются жизненныя отношенія, многообразныя въ своихъ проявленіяхъ и, верѣдко, не повторяющіяся. Отличительныя особенности эпохи и среды всегда должны быть учтены. Между тѣмъ и въ болѣе специальныхъ, а особенно въ общихъ историческихъ построеніяхъ новѣйшей формаціи жизненное и реальное такъ часто приносится въ жертву блѣднымъ и условнымъ соціологическимъ схемамъ.

Отъ крайностей соціологическаго направленія недалеко и до *модернизациі античности*, до произвольнаго отождествленія древности съ современностью. Опять и здѣсь безусловно право всякаго историка отмѣчать черты сходства между прошлымъ и настоящимъ и для лучшаго уясненія того или другаго явленія древности пользоваться аналогіями современности.

Прошло то время, когда древній міръ представлялся совершенно чуждымъ и далекимъ; въ представленіи прежнихъ историковъ напр. древняя Греція, какъ говоритъ Виламовицъ-Меллендорфъ, являлась страной «прекрасныхъ, возвышенно настроенныхъ мужей и юношей, которые поклонялись красотѣ и жили въ мірѣ грезъ о прекраснѣйшей жизни, между тѣмъ какъ надъ ними улыбалось вѣчно голубое небо» ²⁾. Теперь эта романтика оставлена. Но отсюда еще

¹⁾ Весьма характерна въ этомъ отношеніи извѣстная полемика Эд. Мейера и Бюхера по вопросу объ экономическомъ развитіи древности.

²⁾ В. Бузескуль. Историческіе этюды. С.-Петербургъ 1911 г., стр. 18.

не слѣдуетъ, что современность надо переносить въ древность, заставлять древнихъ грековъ и римлянъ говорить и думать по современному; какъ ни великъ соблазнъ, но нельзя-же современную политическую борьбу съ ея партійными программами, боевыми лозунгами и формулами ретроспектировать за много столѣтій въ античность и находить ея полную идентичность въ афинской республикѣ и въ древнемъ Римѣ. Между тѣмъ подобнаго рода модернизация античности встрѣчается въ трудахъ спеціальныхъ и общихъ, вышедшихъ за послѣдніе годы. Уже такой крупный ученый, какъ Пельманъ, отчасти уклонился отъ объективныхъ задачъ изслѣдователя и въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus» ¹⁾ не мало модернизируетъ экономическія отношенія и социальную борьбу древности, особенно въ послѣднихъ частяхъ второго тома, посвященныхъ социальному вопросу въ Римѣ. Изъ другихъ видныхъ ученыхъ, склонныхъ къ модернизации, нельзя не отмѣтить Белоха, хотя-бы въ его «Исторія Греція». Но что у крупныхъ ученыхъ, специалистовъ въ своей области, такъ или иначе аргументировано, то особенно рѣзко бросается въ глаза своей парадоксальностью въ научно-популярныхъ обобщающихъ построеніяхъ.

Большую сенсацию въ ученомъ и литературномъ мірѣ вызвалъ трудъ извѣстнаго итальянскаго соціолога и публициста Гуильемо Ферреро—*Grandezza e decadenza di Roma*. Трудъ этотъ, переведенный почти на всѣ европейскіе языки, вызвалъ и великія восхваленія и сильныя нападки ²⁾. Интересна сама по себѣ мысль Ферреро разсматривать величіе и упадокъ Рима съ современной точки зрѣнія. Автору нельзя отказать въ остроуміи его положеній и отдѣльныхъ соображеній, въ блескѣ и художественной яркости изложенія; весьма много также собрано въ этомъ трудѣ ученаго матеріала по социальной и экономической исторіи. Но предвзятость исходныхъ точекъ зрѣнія и модернистскія увлеченія даютъ себя знать; если одни аналогіи и параллели удачны и даже пріемлемы, то встрѣчаются натяжки и произвольныя комбиняціи. Такъ, напр., Италію I вѣка до

¹⁾ Русскій переводъ подъ ред. *проф. Ростовцева* въ серіи Брокгаузъ-Ефронъ «Общая исторія европейской культуры» С.-Петербургъ 1910 г.

²⁾ См. ср. любопытную книжку *Barbagallo—L'opera storica di Guglielmo Ferrero e i suoi critici*. Milano 1911.

Р. Х. Ферреро сближаетъ съ Англіей и Франціей конца XIX вѣка, съ сѣверной Италіей и Германіей послѣ 1848 г., съ Соединенными Штатами послѣ войны съ южанами, въ Лукуллѣ видитъ Наполеона (Лукуллъ—любимый герой Ферреро), въ Суллѣ то Вашингтона, то Наполеона, Цезаря въ эпоху избирательной борьбы непочтительно приравниваетъ къ заправилѣ «Tammany Hall». Любопытно, однако, отмѣтить, что Ферреро, приступившій къ занятіямъ римской исторіей, какъ публицистъ, постепенно проникся историческимъ духомъ и въ своихъ послѣднихъ выступленіяхъ (къ этому намъ еще придется вернуться) существенно оговариваетъ свои прежнія крайности. Трудъ Ферреро оказалъ вліяніе на цѣлый рядъ работъ научно-популярнаго характера; такъ въ Россіи сильное вліяніе труда итальянскаго соціолога сказалось на «Очеркахъ римской имперіи» г. Виппера (Москва 1908) и на полу-беллетристическомъ произведеніи г. Амфи-театрова «Звѣрь изъ бездны» (С.-Петербургъ 1911 г.).

Въ самое послѣднее время, какъ мы уже говорили, замѣчается орошая реакція противъ отмѣченныхъ крайностей. Такъ въ той области античной исторіи, гдѣ наиболѣе сказалась гиперкритика, въ области древне-римской исторіи замѣчается возвратъ къ болѣе осторожному и болѣе внимательному разсмотрѣнію традиціи. Гаетано де Санктисъ въ своей «Storia dei Romani» (1907) болѣе вѣрнѣе римскимъ писателямъ, признаетъ достовѣрность списка эпонимныхъ магистратовъ, принимаетъ гипотезу Нибура о существованіи эпоса, считаетъ достовѣрнымъ договоръ Рима съ латинами V вѣка, который Павсъ считаетъ антиципаціей IV вѣка; отвергая аграрное законодательство Лицинія, Санктисъ находитъ возможнымъ приурочить къ этому времени появленіе плебейскихъ консуловъ, не подлежитъ для него сомнѣніямъ достовѣрность коллегіи децемвировъ и XII таблицъ. Интересно также отмѣтить недавнюю работу Санктисса, посвященную боевому вопросу о царскомъ періодѣ въ Римѣ¹⁾. Пересмотру осново-проблемъ римской исторіи посвящены также ка-

¹⁾ G. de Sanctis—La legende historique des premieres siecles de Rome (Journal des Savants 1910). Царскаго періода въ Римѣ касается также любопытная работа русскаго ученаго Е. Г. Казарова—О царской власти въ древнемъ Римѣ («Филол. Записки» 1910 г. и отд. Воронежъ 1910 г.).

питательные труды Зольтау—*Die Anfänge der römischen Geschichtschreibung* (1909) и Биндера о плебсъ (1909). Появленіе какъ этихъ, такъ и другихъ работъ свидѣтельствуеъ, что гиперкритика и скептицизмъ не могли сдѣлать своего разрушительнаго дѣла и что многіе вопросы римской старины должны быть еще внимательно и серьезно разобраны. Слѣдуетъ отмѣтить также двѣ новѣйшія русскія работы по римской исторіи, авторы которыхъ весьма опредѣленно высказываются противъ гиперкритики -- это работа г. *Синайскаго* -- Очерки изъ исторіи землевладѣнія и права въ древнемъ Римѣ (Юрьевъ 1908) и книга г. *Фельсберга* о братьяхъ Гракхахъ ¹⁾. Противъ гиперкритическихъ увлеченій въ области греческой и римской исторіи авторитетно выступали русскіе ученые: В. И. Бузескулъ, Э. Р. фонъ-Штернъ, О. Ф. Зѣлинскій, С. А. Жебелевъ, М. И. Ростовцевъ и др.

Извѣстный кризисъ переживаетъ и соціологическое направленіе въ изученіи древней исторіи. Весьма чувствительный ударъ схемамъ и готовымъ обобщеніямъ нанесли грандіозныя археологическія открытія, особенно въ области культуръ мессопотамской и критско-егейской. Исторія древности продвинулась далеко вглубь и открылись горизонты совершенно неожиданные. Новый обильный и богатый матеріалъ не укладывается въ условныя и абстрактныя соціологическія схемы. Интересно отмѣтить, что нѣкоторые недавніе критики всемірно-исторической точки зрѣнія и сторонники соціологическаго направленія сдѣлались проводниками самаго односторонняго универсализма -- выведение всей культуры съ вавилонскаго востока (панвавилонизмъ). Ученое увлеченіе нѣмецкихъ историковъ-ориенталистовъ съ Деличемъ, Винклеромъ, Іереміасомъ и Нибуромъ ²⁾ во главѣ перешло въ самыхъ вульгарныхъ формахъ и въ литературу общую. Но эти неизбѣжныя крайности въ результатъ новыхъ открытій не лишаютъ послѣднихъ первостепеннаго значенія для исторіи древнѣйшей культуры человѣчества. Если, благодаря новымъ открытіямъ, приходится пересматривать уже выведенныя соціологическія построенія, то сильнымъ поправкамъ и часто измѣненіямъ должны быть подвергнуты многія, казалось,

¹⁾ Положительныя научныя задачи преслѣдуетъ и недавно вышедшій «Обзоръ римской исторіи» Харьковскаго профессора И. В. Нетушила (Харьковъ 1911 г.).

²⁾ См. трезвую оцѣнку этого направленія въ недавно вышедшей превосходной «Исторіи древняго Востока» проф. Б. А. Тураева (С.-Петербургъ 1911 г.).

прочно установившіяся формулировки соціальныхъ, экономическихъ и правовыхъ отношеній. Благодаря папирологии открывается греческое и греко-римское право съ восточными элементами, многое объясняющее и многое представляющее въ новомъ свѣтѣ. Римскій колонатъ, обычно представляемый, какъ непрестанное ухудшеніе крестьянина, теряющего волю, теперь при свѣтѣ новыхъ данныхъ выдѣляетъ свои меліоративныя черты; теперь для всесторонней оцѣнки колоната весьма важнымъ представляетъ изученіе эмфитевзиса съ его греческими и греко-египетскими antecedентами ¹⁾. Все это призываетъ къ величайшей осторожности въ общихъ построеніяхъ. Определенно консервативнаго направленія придерживается въ этомъ отношеніи такой замѣчательный изслѣдователь древности, какъ Эдуардъ Мейеръ ²⁾.

Модернизация античности въ ея крайнихъ проявленіяхъ также встрѣтила отпоръ со стороны ученыхъ. Пельманъ, когда-то отдавшій дань модернизму въ своей «Исторіи античнаго коммунизма и социализма», стоитъ на твердыхъ и строго-обоснованныхъ позиціяхъ въ своемъ «Обзорѣ греческой исторіи». Но, быть можетъ, всего интереснѣе отмѣтить, что Ферреро въ своей послѣдней рѣчи «Римъ въ современной культурѣ» ³⁾ возвращается ко многимъ старымъ положеніямъ традиціи. Въ началѣ рѣчи Ферреро сравниваетъ себя съ путникомъ, который послѣ долгихъ скитаній, пришелъ къ родному, старому мѣсту. Нѣтъ-ли здѣсь символа и нельзя-ли пожелать наукѣ древней исторіи скорѣе кончить годы скитаній и выйти на свой прямой путь, озаряемый никогда не угасающимъ свѣтомъ античности.

И. Бороздинъ.

¹⁾ Проф. Павелъ Виноградовъ—Средневѣковое помѣстье въ Англіи (глава о римскомъ вліяніи) С.-Петербургъ 1911 г.; М. Rostowzew—Studien zur Geschichte des römischen Kolonates (1910); Mitteis—Zur Geschichte der Erbpacht im Altertum (1901); И. Бороздинъ—Замѣтки по греческому эмфитевзису („Гермесъ“ 1909).

²⁾ См. его—Zur Theorie und Methodik der Geschichte (нов. рус. изд. Москва 1911 г.).

³⁾ Ferrero—Roma nella cultura moderna (Milano 1910).